

**ИНСТИТУТЫ КРОВНОЙ МСТИ И КОРОЛЕВСКИХ СУДЕЙ  
В ДОХРИСТИАНСКОЙ АРМЕНИИ**

© 2017

**Г.С. Казинян**, доктор юридических наук, профессор,  
декан юридического факультета Ереванского государственного университета,  
академик Национальной академии наук Республики Армения  
*Ереванский государственный университет, Ереван (Армения)*

*Ключевые слова:* право; судопроизводство; розыскной; состязательный; кровная мсть; судья.

*Аннотация:* До IV в. в Армении утверждалась обвинительная форма процесса, которая с принятием христианства стала господствующей. По некоторым преступлениям еще существовала кровная мсть. Наблюдается также устойчивая тенденция формирования элементов розыскного процесса, которая могла бы привести к преобладанию розыскного процесса уже в X в. С потерей независимости в V в. ее развитие приостановилось. Следовательно, именно обвинительная форма процесса нашла свое закрепление в армянских судебных книгах последующего периода.

Право как общественное явление в Армении возникло и развивалось согласно общим закономерностям происхождения и развития государства и права. На развитие армянского права вообще и уголовно-процессуального права, в частности, существенное влияние оказали исторические особенности возникновения и развития государственности в Армении, национальные, религиозные, внешнеполитические и другие факторы. При изучении истории древнего армянского права перед нами возникли определенные трудности, обусловленные тем, что до нас не дошли источники права этого периода. По этой причине полностью воссоздать картину древнеармянского права (I тыс. до н.э. – V–VI вв. н.э.), к сожалению, невозможно. Мы можем очертить только некоторые стороны правового бытия армянского народа в древние века, основываясь не на чисто юридических, а на повествовательных источниках древнеармянской историографии в лице Агафангела, Фавстоса Бюзанда, Мовсеса Хоренаци, Егише и др. При правильном и тщательном изучении древняя историография может служить достаточно надежным источником исследования как по вопросам государства и права вообще, так и по вопросам уголовного процесса.

В теории уголовного процесса принято считать, что борьба против лиц, совершивших преступления в отношении других членов общества, в своем развитии проходит ряд исторических этапов [1, с. 354–355]. Первый этап борьбы против посягательств на жизнь человека и его интересы – это непосредственная физическая борьба подвергнувшегося нападению против нападающего. Этот этап долго продолжался в жизни первобытного человека. Несмотря на свою древность, соответствующий способ борьбы с посягательствами (нападением) не утратил полностью своего значения и даже получил свое юридическое признание. Законы о необходимости обороне устанавливают правомерность действий против нападающего в соответствующих условиях и пределах. Второй этап – помощь других членов общины, родственников, близких людей, а также представителей общины (старейшины и т. п.), которые принимают меры к прекращению преступлений, задержанию и наказанию преступника. Этот способ борьбы с общественно опасными действиями, как и предыдущий, также получил позднее юридическое признание (основной формой осуществления этого способа была кровная мсть). Третий этап – деятельность специальных государственных органов и должностных лиц по расследованию и рассмотрению дел о преступлениях. Этим третьим этапом и является собственно уголовный процесс, т. е. урегулированная правом деятельность по расследованию и рассмотрению уголовных дел.

В ходе развития человеческого общества возникли и сохранились обычаи и ритуалы. На этих обычаях и ритуалах вырастали правовые нормы, регулирующие судебную деятельность в государстве. Постепенно в государственном механизме стал выделяться орган, ко-

торый называется «суд». В дальнейшем деятельность этого органа стала регулироваться преимущественно правовыми нормами – обязательными предписаниями государственной власти, которые со временем стали доминирующими регуляторами судебной деятельности, утратив всякую связь с обычаями.

Изучение первоисточников показывает, что как и у всех народов, основной формой борьбы с общественно опасными действиями в Древней Армении был самоубийство – кровная мсть. Скудность дошедших до нас источников древнеармянского права до нашей эры не позволяет нам четко определить время и формы появления суда и процессуальных правил его деятельности в механизмах и в системе права древнеармянских государств. Что же касается нашей эры, то, основываясь на повествовательных источниках, мы можем очертить некоторые аспекты суда и процесса.

Очевидно, что до нашей эры суд в Армении составлял часть общего аппарата государственного управления, еще не обособился в отдельный, самостоятельный орган, единственной задачей которого было бы осуществление правосудия. Этот процесс начался уже в нашей эре, что, как мы увидим, ясно прослеживается особенно в эпоху Аршакидов (I–V вв.). И если бы не осложнение политической ситуации и потеря государственности в V в., он нашел бы такое же естественно-историческое завершение, как и в других государствах.

Греческий церковный деятель и писатель Евсевий Кесарийский (262–340 гг.) в одном из своих сочинений пишет, что у армян и парфян убийцы предавались смерти судьями и родичами убитого. Но если родичи, движимые чувством мести, убивали кого-либо из родичей убийцы, то они по местным законам не отвечали перед судьями [2]. Правильно замечает Х. Торосян, что «по этому свидетельству, как видим, наряду с частной формой осуществления правосудия, существовала и его государственная форма. Но, видимо, самосуд уже был упорядочен, установлено первое и самое главное ограничение в этом произволе – не каждый родственник обязан мстить и не в отношении каждого из родичей убийцы можно осуществлять право кровной мести. С течением времени государство все шире и активнее вмешивается в осуществление правосудия» [3, с. 193].

Прежде чем перечислить сведения из повествовательных источников, свидетельствующих об активном вмешательстве государства в осуществление правосудия, следовательно, и о формировании судебного права в Древней Армении, надо иметь в виду, что эти факты в подавляющем большинстве удостоверяют судостроительные, нежели процессуальные аспекты права Древней Армении, но их анализ дает нам возможность восстановить некоторые элементы судопроизводства.

Отец армянской историографии Мовсес Хоренаци (V в.) приписывает представителю Аршакидской династии в Армении царю Вагаршаку (I в.) следующую деятельность в сфере государственного строительства:

«В царском своем доме он заводит такой порядок: назначает определенные часы для прихода и выхода, для совещаний, празднеств и забав... Назначает двух напоминателей, имеющих право письменно доносить ему обо всем: один о добрых делах, другой – о справедливых воздаяниях. Напоминающему добрые дела приказывает в минуту царского гнева или несправедливого повеления напоминать ему о справедливости и милосердии. Назначает судей при царском доме, судей при городах и пригородах» [4, с. 125].

В этом сведении для нас представляют интерес два обстоятельства. Это, во-первых, сообщение о назначении царем судей в городах и пригородах Армении, и, во-вторых, сообщение о назначении двух должностных лиц – «напоминателей» – при царском дворе. Возникает вопрос: что же это за должностные лица и чем они занимались при дворе? К сожалению, Хоренаци не сообщает нам подробности об обязанностях этих должностных лиц, но анализ имеющихся сведений и текста наводит нас на мысль: а не похожи ли они своими функциональными обязанностями на защитника (адвоката) и государственного обвинителя в процессуальном смысле?

Первое должностное лицо – это напоминатель, имеющий право доносить царю «о добрых делах», а в минуту царского гнева или несправедливого повеления обязан напоминать ему о справедливости и милосердии. Слова, употребляемые историком, достаточно ясно очерчивают круг обязанностей этого должностного лица. Естественно, царь мог гневаться, если кто-то из подданных нарушал нормы права или не подчинялся его повелениям, что также равносильно нарушению закона – преступлению. Царь, имеющий право осуществлять правосудие в случаях нарушения закона, назначает должностное лицо, которое в ходе осуществления царской прерогативы должно было напоминать царю «о справедливости и милосердии», чтобы он в минуту царского гнева не поступал несправедливо, то есть, выражаясь современным языком, не выносил необоснованные и несправедливые приговоры. Несомненно, эту деятельность можно охарактеризовать как осуществление функции защиты в уголовном процессе. Что касается второго должностного лица – «напоминателя о справедливых воздаяниях» (хотя Хоренаци ничего конкретного не сообщает о его обязанностях), то мы полностью разделяем мнение Х. Торосяна о том, что «слово, которое он (Хоренаци. – Г.К.) применяет, характеризуя его должность – мечь, уже говорит само за себя. Это должностное лицо должно было письменно напоминать царю о мести, о справедливом воздаянии. Выражаясь современной терминологией, этот чиновник поднимал перед царем вопрос о возбуждении уголовного дела, то есть выступал в роли государственного обвинителя. Конечно, не надо думать, что государственный обвинитель возбуждал вопрос о судебном преследовании по всякому уголовному делу. Очевидно, что он должен был или мог поднять перед царем вопрос о возбуждении уголовного дела или ходатайствовать перед ним о том, чтобы было начато судебное преследование только по делам, имеющим государственное значение или представляющим интерес для царя. По делам, подлежащим юрисдикции царя, но не представлявшим для него интереса, государственный обвинитель, кажется, мог начать преследование сам» [5, с. 199].

Самое ценное, что мы можем почерпнуть из этого свидетельства Хоренаци, то, что уже в раннесредневековой Армении намечалось выделение должности судьи из общего аппарата государства, а при царском дворе назначались два должностных лица, которые своими функциональными обязанностями были очень похожи на «государственного обвинителя» и «защитника» – лиц, фигурирующих в уголовном процессе. Это означает, что уже в этот период в Армении намечается самостоятельное судопроизводство с признаками перехода к розыскному процессу, свидетельством чего является должность «государственного обвинителя».

Другой армянский летописец V в. Агафангел свидетельствует: «А царь Трдатиос дал приказ созвать на собор всех воинов своих... И собрались все воины вообще, и вельможи, и правители порубежных областей, и правители городов, почтенные полководцы, повелители и князья, нахарары и азаты, судьи и военачальники приди стали перед царем» [4].

Сведения о составе земских соборов (ашхаражогов) мы находим и у Фавстоса Бюзанда (V в.): «И тем более собрались на собор единения люди мира армянской страны: великие нахарары, старшие правители порубежных областей, правители областей, азаты, военачальники, судьи, повелители, князья» [6, с. 412].

Из обоих сообщений явствует, что на ашхаражогов были призваны все светские представители класса феодалов. Среди них и судья, который имеет довольно высокий общественный статус. Он светское должностное лицо, занятием которого было осуществление правосудия.

Еще одно древнейшее свидетельство о светских судах содержится в канонах, принятых на всеармянском земском соборе в Шаапиване в 444 г.: «Если кто из епископов или иереев, или некто азат из судей или шинакан...» (канон 16) [7, с. 54], или «...Если же его самого с семьей уличат в месальянстве, пусть заодно схватят его вместе с развратной семьей, и пусть предстанут они публично перед главным епископом, перед великими князьями и старшими судьями, и пусть они единодушно покарают за нарушение божьих законов...» (канон 20) [8, с. 346].

Таким образом, армянские повествовательные источники свидетельствуют, что в эпоху Аршакидов в Армении кроме духовных судов была также разветвленная сеть светских – государственных судов, что приводит правоведов к выводу о том, что в течение I–V вв. нашей эры «произошло дальнейшее расширение юрисдикции государства по осуществлению правосудия и соответственно дальнейшее сужение сферы применения частной силы. Это может быть выражено в трех пунктах: расширился круг дел, по которым воспрещался самосуд; еще более ограничился круг лиц, могущих пользоваться правом самосуда; в случаях, когда допускалась частная мечь, ее осуществление оставляли на усмотрение пострадавшего, то есть государство приходило на помощь пострадавшему в тех случаях, когда он хотел, но не мог осуществить свое право».

Об этом свидетельствуют не только приведенные и другие факты, доказывающие наличие системы государственных судов, но также анализ политико-правовой мысли данной эпохи, как отражение имеющегося правового бытия армянского народа. Так, армянский философ V в. Езник Кохбаци, защищая христианское учение и опровергая зороастризм, обсуждает также проблему зла в следующем контексте: существует ли зло в природе или оно результат человеческой воли? Рассматривая данную проблему, он пишет: «После всех этих убедительных изобличений упорно приводят тот же аргумент, говоря, что зло существует в природе, оно не есть результат воли. Отвечаем: если зло существует в природе, то почему цари учреждают законы, князья прибегают к угрозам, судьи – к наказанию? Не потому ли, чтоб воспрепятствовать злу? И еще: если зло существует в природе, то законодатель не должен учреждать законы, и князья не должны наказывать злодея. Зачем наказывать того, кто не по воле является злодеем, в отношении которого должно быть не наказание, а сострадание? Следовательно, если жена рассуждающего так станет прелюбодействовать, то он не должен обвинять ее, ибо она, как говорят, не по своей воле была побуждена к совершению зла, а была принуждена природой... Но если мы видим, что царь требует мести при нарушении установленных им законов и требованием мести уменьшает ущерб; судья связывает и пыгает воров и разбойников, чтобы устранить зло..., и все другие за оскорбления, понесенные каждым из них, добиваются отмщения или личными

усилиями, или через тех, которые обладают властью, то ясно, что совершаемые злодеяния рождены не природой, а волей человека» [4, с. 194].

Данное суждение дает определенное представление о процессе в Армении в данную эпоху, которое заключается в следующем:

– по некоторым преступлениям еще существует кровная месть, ибо частные лица «за оскорбления, понесенные каждым из них, добиваются отмщения» также личными усилиями;

– налицо утверждение так называемой обвинительной формы процесса, о чем свидетельствуют слова философа о том, что прелюбодействующей жене не мстят, а ее «обвиняют». Эта форма процесса называется обвинительной, потому что и возбуждение дела, и весь его дальнейший ход определяются действиями обвинителя, зависят от него. Суд приступает к рассмотрению дела лишь по просьбе обвинителя. Соответственно этому обвинительный процесс почти целиком сводится к рассмотрению дела в судебном заседании. Досудебное расследование по этим категориям уголовных дел почти полностью отсутствует, так как обязанность собирания доказательств и их представления суду лежит на сторонах;

– налицо также устойчивая тенденция к «публикации» борьбы с преступностью и формирование элементов розыскного уголовного процесса. Как известно, исторически розыскной процесс не сразу сменил обвинительный, и в определенные периоды они существовали параллельно. Так было и в Армении в соответствии с общими закономерностями развития государства и права, что подтверждается, во-первых, вышеприведенными сведениями из повествовательных источников

о наличии разветвленного судебского корпуса, и, во-вторых, такими высказываниями Кохбаца, как «царь требует мести при нарушении установленных им законов», «судья связывает и пытается воров и разбойников, чтобы устранить зло», возможность частных лиц посредством власти имущих добиться отмщения. Эти проявления, как нам кажется, являются элементами розыскного процесса и свидетельствуют о наличии устойчивой государственной функции уголовного преследования и наказания преступников, осуществляемой царем, нахарарами, князьями, судьями и т. д.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юридическая литература, 1989. 640 с.
2. Eusebii Pamphili Caesareae, Palaestinae episcopi Praeparationis Evangelicae. Patrologiae, cursus completus, accurante. J.P. Migne, Patrologiae graecae. t. 21, Turnholti (Belgium). VI, 10, § 276, с. 471.
3. Торосян Х.А. Суд и процесс в Армении X–XIII вв. Ереван: АН АрмССР, 1985. 292 с.
4. История Армении Моисея Хоренского. М.: Тип. В.А. Гатцук, 1893. 363 с.
5. Агатангехос История Армении. Тбилиси: Тип. В.А. Гатцук, 1909. 412 с. (на арм. яз.).
6. История Армении Фавстоса Бузанда. Венеция, 1882. (на арм. яз.).
7. Аревшатян С. Шаапиванские каноны – древнейший памятник армянского права // Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1959. № 2-3. С. 347–349.
8. См. там же, с. 348.

#### INSTITUTES OF BLOOD FEUD AND ROYAL JUDGES IN PRE-CHRISTIAN ARMENIA

© 2017

*G.S. Kazinyan*, doctor of jurisprudence, professor,  
dean of law department Yerevan State University,  
academician of National academy of Sciences of the Republic Armenia  
*Yerevan State University, Yerevan (Armenia)*

*Keywords:* law; litigation; inquisitorial; adversarial; blood revenge, judge.

*Abstract:* The accusatory criminal procedure system was being establishing in Armenia up to the 4<sup>th</sup> century and with the adoption of Christianity it became dominant. For some crimes there still existed blood revenge. There has also been a consistent tendency towards the formation of the elements of inquisitorial system, which could have led to the predominance of inquisitorial system in as early as the 10<sup>th</sup> century. Because of the loss of independence in the 5<sup>th</sup> century, its development was suspended. Therefore, it was the accusatory process which was reflected in the Armenian Codes of Judicial Law of the subsequent period.